

ЗАКАЛКА БЫЛА ЖЕЛЕЗНОЙ

Комендантша общежития Литературного института, рыжая милая девушка с нежными плечиками, повела меня по длинному коридору. Шейка ее усыпана золотыми веснушками, а попочка — налитая и округлая, как у каждой русской красотки. Два огромных чемодана оттягивают мне руки. Останавливаемся возле комнаты под № 134, открываем дверь: просторно, круглый стол, еще письменный, стул, кровать. «Здесь будете жить, здесь будете творить, — отрывисто указывает она. — Вопросы есть? Нет! До завтра!»

Распаковываю чемоданы. Один набит одеждой, другой — литровыми бутылками коньяка «Экстра», заткнутыми дубовыми пробками со станиолевыми красными шапочками поверху. Ведь будем творить, поэтическая душа должна подпитываться энергией.

В дверь барабанят, и не успел я откликнуться, как на пороге возникли младшие братья Ильи Муромца. И четверо хором: «Правда, что из Болгарии?» — «Да». — «Вместе будем учиться?» — «Да». — «Пожалуйста», — призывают меня в комнату напротив.

В комнате — тоже круглый стол, но с расковырянной облицовкой. На нем — десять бутылок «Столичной», граненые стаканы под водку, на оберточной бумаге — три крупные селедки, два кирпичика черного хлеба.

«Давай знакомиться, — радуются, — как вас величать?» — «Никола». — «Аа-а... Микола». Называют себя и они: Анатолий Данильченко, белорус; Иван Евсесенко, украинец; Георгий Баженов, русский; Хаджи Расим, лезгин. Нынче все четверо — известные писатели». За дружбу! — провозглашают и опорожняют залпом стаканы.

Первая моя встреча с водкой! Опрокидываю и захлебываюсь. Они меня колотят по спине кулаками. Готов умереть за дружбу, но не могу залпом. Объясняют мне: «Выдохни, теперь пей! Молодец! Не дыши пока!» Один мне сует ломтик хлеба, тыкает под нос, чтоб я подышал через мякиш». Так-а!.. Кусок селедки...»

Через две-три минуты в желудке у меня полыхает огненный шар, а по телу растекаются сила и нежность. Второй тост за Болгарию! Бегу в свою комнату, хватаю две бутылки «Экстры». «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!..» Сразу редактирую текст: «Как Россия лучше всех!» — и сосредоточиваюсь, выпиваю до дна водку, дышу через хлеб. Железный! Едва отдираю подошвы от пола — начинается мое восхождение на седьмое небо. Третий тост — а какой? В памяти не запечатлелся, да и все последующие...

Просыпаюсь наутро — в кровати, в одежде, солнце слепит глаза. Четверо муромцев сидят у моей кровати, как джигиты у гроба погибшего побратима.

«Вставай, братец Микола! Будем опохмеляться!» Разогнать похмелье! Впрямь — живая магия, только кто научит? Но я еще тогда догадывался, что незнание — большое невежество и никуда оно не приводит, кроме как к страданию.

Первая моя прогулка по белокаменной десятиmillionной Москве! Заваливаемся в некое заведение на кружку пива с красными креветками — в Варне мы их называли морской черешней... В другом приюте — снова пиво, но с пельменями... С обеда допоздна, до конца рабочего дня.

Сотни учреждений, городских служб, комитетов, министерств — выплескивают народ на улицы. Тротуары забиты. Ведь при ротозействе и привязанная собака кусает, — натерпелся я. Вокруг все богатыри, а моих муромцев нет...

Пытаюсь остановить кого-нибудь, узнать, где я нахожусь. Спешат люди мимо меня. В многомиллионном городе так принято. Разговоры с незнакомыми присущи интимности сел и небольших городов. А кстати, милиционер! Богом послан. Я еще не изучал Маяковского в деталях, но знал: моя милиция меня бережет!

Пока объяснял милиционеру на пальцах, мычанием, подмигиванием, приблизился еще один, подхватил меня, сунул в коляску мотоцикла. И — в отрезвитель.

Дежурный лейтенант — молодой соломенный чуб, соломенные усики, безбожно синие глаза. Молодой, но важничает: «Документы?» Достая свой красный международный паспорт. Он его листает, ощупывает, вникает. «Аа-а, — выносит резолюцию наконец, — иностранец! Отпустите его!»

На улице движение — живая лавина потащила меня, пока я не вынырнул из нее. Никто не останавливался, чтобы меня спросить, где общежитие мое, где мои верные товарищи. Один проулок, второй, третий — снова милиционер. И он по виду человек Маяковского. «Тааваариш ммилиционер...» Пока я тянул, опять меня втокнули в коляску «Урала» и снова в тот же вытрезвитель. Аж подпрыгнул мой лейтенантик: «Уберите отсюда этого пьяного болгарина!..» Потом вдруг сосредоточился, видно, пожалел о чем-то или опомнился, что «хороша страна Болгария», и приказал старшине: «Да отвези его по адресу...»

Мотоцикл тархтит по Москве, я снова в коляске, но уже удобно встроился. Сентябрьский ветерок 1968 года нежит мое лицо. Советская милиция самая добрая в мире, а коллега Володя Маяковский — классик.

Вводят меня в фойе общежития, там — паника. Искали меня мои верные собутыльники, искали, потом уж возвратились домой, решать, что же затеять для поисков.

Накинулись на меня они. Кости затрещали в их объятых. Через плечо Хаджи Расима вижу, как бабка-сторожиха крестится, вздымает глаза к потолку, шепчет молитву: «Господи Пресвятой, Матерь-Богородица, этот болгарин и наших превзойдет...»

Пророчицей оказалась, милая! За пять лет одолел весь конвейер древнего ремесла — от самогона до одеколona «Тройной» с закуской и без. Пожал блестящие успехи и на протяжении пяти лет числился передовиком, и не покидал доску почета. Десятки раз Илья Муромец выходил против Крали Марко, десятки раз терпел я поражение и падал

под стол. Иногда на день-два уступал желтую майку борца молодому тогда болгарскому поэту Георгию Борисову. Невероятно сообразительный и восприимчивый, живая промокашка, он выявлял исключительные способности и этим мне набил оскомину. А что касается земляка-поэта Андрея Андреева, то уж очень он старался и напрягал шейные жилы, но пребывал, несчастный, в общем ряду, не мог преодолеть высокую планку залпового питья и, наверное, еще тренируется и читает труды теоретиков по данному вопросу.

Но пока мы продолжим свое питание. Очередной запой. У Хаджи Расима вышла книга. Перевел на русский Булат Окуджава, Повесть. В ней высятся гордые дагестанские горы, где рождаются орлы. Аул. Среди скота свирепствует эпидемия сапа. На краю аула — шлагбаум, его охраняют два русских милиционера.

Приближается джигит. Хотя ему за сто перевалило, он шустрый, с черной бородой и усами, в бурке, на голове огромная овечья папаха. С кинжалом за поясом. Рукоятка кинжала инкрустированная, доставалась от прапрадеда деду, от деда внуку.

Старец тащит три круга сыра, каждый по три килограмма. Вася и Ваня поднимаются, застегивают верхние пуговицы гимнастерок — кавказец должен вступить в корыто с хлорной известью, прошлепать по нему, а сыру дальше хода нет!

И старец увещевает молодцов — до последней страницы, — что это гостинцы его многочисленному семейству. В медовой его речи сплелись кавказский фольклор, юмор, мудрость дедов, драматизм национальной истории, мужество и храбрость поколений до и после легендарного Шамиля.

Нет и нет! Прыгай, старичок, в сапогах в корыто, а три заразных круга сыра — оставь! Милиционеры не только не читали — понятия не имели о Маяковском.

Старик отступил в сторону, опустил на траву, достает кинжал, нарезает сыр. Медленно и методично, как говорится, кусок за куском съедает свой гостинец.

Перед шлагбаумом вопрошает: «Можно идти, ребятушки?» «Можно...» — поджимают хвост органы правопорядка. Об этом повесть. Булат Окуджава не переводит что попало.

И сейчас Хаджи Расим пожинает успех, падают тяжелые снопы, тяжелые запои — успех и слава переменчивы, надо их под солнце выносить, регулярно поливать.

И водка, водка, водка. Четвертый или пятый день — не имеет значения для мирового революционного процесса. Тосты: «За дружбу! За Родину! За Победу! Только б войны не было! За мужчин. За женщин. Отдельно за матерей! За эскимоса-чукчу, который был не читателем, а писателем». Между тостов: «Ты на Камчатке был?» — «Не был.» — «...твою мать, я тоже не был! Маяковского читал?» — «Читал...» — «...твою мать, я тоже читал. Евтушенко гений, да?» — «Нет, не гений» — «Нет, я не согласен... А ты меня уважаешь? Червонец дашь?.. Дай поцелую...»

Начала дюжина удальцов, к исходу марафона додрапали Хаджи Расим и моя милость.

В желудке и около солнечного сплетения кошки царапаются. Надо прихлопнуть крышкой питье, похмелье невыносимо... Потому что, пока пил, все равно что замазывал проблемы лопаткой с цементом-500. А подвергся отрезвлению — и оказалось, что замазывал не цементом-500, а самым обычным гипсом и начала штукатурка крошиться и отпадать... Давит тебя одиночество, а пустопорожние слова, что ты выбалтывал, что тебе наговаривали между залпами, осыпаются, как перхоть, не только на лацканы, но и на брови... Как будто где-то случилось нечто ужасное, что напрямую тебя затрагивает. Моментами перед твоими глазами сверкают молнии, и душа твоя отделяется от тела. Наблюдаешь за своим телом, словно чужое оно, — рыба, выброшенная на песок. Воздух затвердевает или, ватный, липнет к коже лица, к рукам, горло превращается в выхлопную трубу автомобиля. Алкоголь сжег кислород в твоём организме. Нужно восстановить кислород. Жидкостью. Подай H₂O. Но ты не кувшин, не бочка без дна. Сколько дней пил, столько дней и мучайся — один к одному. Ничто не облегчает твоё положение — ни партийная, ни классовая принадлежность. Это и есть похмелье! От одной мысли о водке тебя мутит. Эх, пивца бы сейчас! Янтарного, с белой крышечкой бутылка, холодного, как собственная супруга.

Но пиво в СССР все еще роскошь, все еще только для членов профсоюза. Значит, и Ильф и Петров, как и мы, мучались, горемыки. «Страдать надо!» — цедит сквозь мелкие зубки Федор Михайлович, и его дыхание колеблет огонек свечи...

«Эй, такси!» Ты еще не выкрикнул, а оно тормозит. Восемь копеек за километр, что не заплатить? Прямо на Арбат, в пивную «Жигули». Ах, закрыто на санитарный день? Оттуда — в пивную в Столешников переулок. Очередь в пятьсот душ — солидарный и смиренный народ, преданный идее. Ложись умирай или гони к новым заветным берегам — такси ждет. Куда, куда? В буфет Савёловского вокзала, напротив редакции газеты «Правда». И там закрыто. Так вот: у бедняка разгорячится корова, а у общественного быка инструмент поврежден.

Что ж, вернемся в общежитие да треснем по стакану водки, с лету, как на фронте перед атакой. Да и завертим все сначала!

Швыряемся в автобус, он везет всякую пьющую и непьющую сволочь, даже и не профсоюзные ошметки. Но на беду — минует наши остановки, сворачивает перед общежитием. На какой же номер мы торкнулись?

Не наш! Экспресс! И он нас заволочет в окрестности Москвы. В Коровино. Хаджи Расим, как настоящий джигит, бросается вперед, расталкивает пассажиров, добирается до кабинки шофера, нетерпеливо барабанит по стеклу: «Останови, голубь! Останови, дорогой! Будь человеком!» Ну уж, и наши шоферы не люди, и московские останавливаются лишь там, где надо...

Скорость — восемьдесят... Через полчаса автобус замедляет движение, выплевывает нас на остановке, хлопают двери. И — Господи! Щипаю себя за щеки — нет, не сон! Деревянная будка, как грибок шампиньончик. Продавщица — мамаша с мощной грудью, опирается на прилавок. Перед нею — кружки, полные золотистой жидкости, сверху пена на три пальца. И никакой очереди!

Для начала — по три кружки. Предметы очерчиваются в фокусе. Ты бедуин, который после десятков миражей достиг оазиса, лужица у ног твоих, верблюды прилег и ждет, кустарник возле него в зеленой накидке, а небо — синее, синее! И никто тебя не спрашивает — член ли ты профсоюза..

Блаженное время! Стипендия — семьдесят рублей, пятьдесят четыре лева в болгарских деньгах. За пять лет — две тысячи семьсот левов, целая «молотовка». «С брезентом и запасной резиной», —добавил бы Иван Пауновский.

В столовой — суп, второе, десерт, хлеб — всего за двадцать три копейки. Время застоя. Господь еще ходил по земле. Иногда садился и за мой стол.

Брежнев Леонид Ильич помахивает с трибуны. Четырежды герой! Из-под его нависших черных бровей взгляд устремлен в точку, — три метра над горизонтом, в сияющую зарю будущего. Недавно гостил в Германии, у Вилли Брандта. Естественно — охотились на зубров. В тамошних газетах — вдвоем на фотографиях. В рубашках с короткими рукавами, с надломленными двустволками. Газета «Прав да» перепечатала снимок. Но «Правда» не может изображать в рубашке с короткими рукавами Генерального секретаря, не по протоколу!.. И ему пририсовали — сколько надо — длинные рукава. На другой день газеты за рубежом опубликовали две фотографии — оригинальную и подправленную «Правдой». Впрямую вредительствуют, гады. Досадили, однако, Брежневу, он никогда не имел проблем с советскими профсоюзами.

Жизнь действительно учит и заставляет тебя соотноситься с профсоюзом. С тех пор и возникло во мне это стремление быть профсоюзным активистом. Оно-то меня и привело на целых десять лет в директорское кресло Профиздата.

Когда уже окончил институт, при вручении мне диплома, я произнес краткую, но содержательную речь, достойную и любого нобелевского лауреата. В ней подчеркнул значение великой идеи, как прочищать себя поутру от похмелья. С болью признал, что мой темный

балканский народ мучается, как грешный дьявол, голова у него трещи! весь день и лишь к вечеру дотягивается до чаши. Я обещал не пожалеть сил, быть патриотом и просветить народ в этой жизнеобеспечивающей области. И совершил сие. Если

мне не верите, загляните с утра в какой-нибудь кабак и удостоверитесь сами. Пьет народ по-молодецки и не догадывается, что заслуга в его счастье — лично моя, что я дал пример. Как уж прав Васил Априлов из Габрова, когда подчеркнул: «Только болгары, воспитанные в России, могут различным образом стать полезными своему народу».

Первая моя встреча с водкой превратилась и в мой первый экзамен в Литературном институте, основанном самим Горьким. Выдержал его фантастично, и имя мое занесено в книгу почета. Не отступил и позднее, продолжил самосовершенствоваться согласно «иностранный литературе», пока был моряком и плавал на кораблях по океанам мира. Да и потом. Закалка моя была железной, все еще не сдаюсь и сейчас налетаю на чашу, как теленок на свежую люцерну. А Андрей Андреев, поэт, верно, уже усвоил теорию, и надо ему устроить серьезный экзамен.

Но игра огрубела с тех пор, как алкоголь перестал быть монополией государства, и мы принялись делиться на советских и антисоветчиков. Залили нас мятной ракией, а мятная отравляет даже таких закаленных в битвах железных бойцов, как я. Отравляют и мои стальные интернациональные чувства. Особенно к некоторым смуглым производителям.

В свое время изучил Маяковского подробно. Вроде классик, да и он меня провел — наша полиция уже не только меня, а и никого не охраняет. Утешимся хотя бы тем, что у нас профсоюзов пруд пруди и пиво льется везде...